

Вильям ШМИДТ

ПАТРИАРХ НИКОН И ЕГО ЭПОХА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Современное российское общество вновь ставит вопросы о поиске путей консолидации, выработки общественных идеалов и перспективных моделей развития. Взаимодействие государства и гражданских институтов, заложенное в историческом прошлом и всесторонне разработанное в трудах одного из крупнейших церковных и государственных деятелей, каким явился Патриарх Московский и всея Руси Никон, до сей поры актуально и вызывает живой интерес.

О становимся на наиболее значимом для нашей исторической жизни периоде — XVII веке с его эпохой Патриарха Никона, которая явилась не только рубежом между Русью Древней и Россией нового времени, между Русью, состоявшей из множества удельных княжеств, и централизованным православным Московско-Ромейским царством, обремененным ответственностью за Вселенское православие и Православную Эйкумену, но и стала эпохой, во время которой были сформированы основы и положены начала дальнейшей национально-государственной и даже шире — государственно-эйкуменической (имперско-эксклезиологической) политики, с активным участием в складывающейся Вестфальской системе международных отношений. Этот век, эта эпоха для последующего развития России приобрела черты стратегической исторической и духовно-культурной значительности, наследие которой оказывало и продолжает оказывать серьезное влияние на совокупную жизнь с заботами о национально-государственной безопасности и перспективах международных отношений в меняющихся системах миропорядка.

Благодаря выработанному в этот период кросснациональному и кросскультурному наследию (ответственность за сохранение онто-аксиологических ценностей — фундаментальных ценностей бытия и общежития) и сформированной двувекторности «север-юг» и «запад-восток», Россия стала мощнейшей мировой державой, стратегические интересы которой заключены в удержании онто-социальной стабильности и полиэтнической, поликонфессиональной, поликультурной открытости миру.

В общественно-научном сознании этот период связывается, как правило, со Смутой и церковно-гражданским расколом, а о духовно-культурных достижениях и наследии этого века почти не говорят.

Заметим: до настоящего времени все еще не высказано сколь-нибудь вразумительных доводов, чтобы увязывать масштабные гонения на раскольников-старообрядцев¹ (религиозно-обрядовая традиция «стоглавого» толка с характерными чертами социокультурного аутизма и гражданско-политико-экономической активности и стремлением к посадско-слободской независимости) — с именем Патриарха Никона. В историографии и общественном сознании ради сохранения мифов о Патриархе Никоне, социокультурном и церковно-гражданском расколе смещенными ока-

ШМИДТ
Вильям —
советник РФ
I кл., к. ф. н.,
доцент кафедры
государственно-
конфессиональных
отношений РАГС
при президенте РФ,
кафедры дипломатии
Дипломатической
академии МИД
России

¹ Термины «старообрядец», «старообрядчество» вошли в современный обиход лишь в начале XX в. в соответствии с указом императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17.04.1905 г.

зываются время и события: жестокость по отношению к раскольникам мнение закрепляет за Патриархом Никоном, но эти действия начали те, кто его судил и сместил; его действия и вкусы считают причиной кардинального стилистического перелома в литургической музыке, который произошел поколением позже. Словом, монументальный образ Патриарха Никона, неосвоенность его экклесиологически, религиозно-философски, социально-политических идей служит плотиной, запирающей историю Руси.

Так что широко распространенный историко-полемический миф-заблуждение есть не столько старообрядцев, сколько исторической и современной массовой культуры и научной критической традиции, который был сформирован тайным представителем Католической пропаганды веры митрополитом Газским Паисием Лигаридом в его «Истории Московского собора 1666–1667 гг.»¹, а также логикой и механикой организации «судного дела» Патриарха Никона². Впоследствии именно эта традиция и была активно и недвусмысленно подхвачена и последовательно внедрена в русскую историческую традицию, в русскую память трудами С. М. Соловьева, Н. Ф. Каптерева, А. В. Карташева и др.³. Поэтому и «никониане», и «старообрядцы» в большей или меньшей степени являются ее заложниками. Для преодоления этого псевдогосударственного, антинационального и антицерковного

наследия нужно затратить не только множество духовно-интеллектуальных сил, но и физического, исторического времени. В связи с этим и перспективе демифологизации отечественной социальной истории можно утверждать, что «Судное дело»⁴ Патриарха Никона является залогом нашего исторического будущего: скрупулезный разбор «Дела» и его комплексный анализ поможет понять, осмыслить суть не только и не столько духовного и гражданского разорения, аномии, метафизики национально-государственной катастрофы и «маятникообразия» нашей истории, отделить разорителей от строителей, врагов от друзей, но и наконец увидеть историческую миссию российского государства на мировой арене.

Таким образом, «Дело» Никона — дело не сугубо русской истории, оно имеет характер и значимость вселенского масштаба. И это хорошо понимали, когда его хранили сперва в Приказе Тайных дел, а затем в опечатанных сундуках Министерства иностранных дел, когда допускали к его материалам «по Высочайшему повелению» и когда впервые в середине XIX в. издавали наследие Святейшего Никона не где-нибудь, не в России, а в Великобритании⁵ (у нас же оно было издано лишь к 400-летию памяти Святейшего Патриарха Никона)...

Теперь становится совершенно очевидным, что осуждение и ссылка Патриарха Никона явились узловым событием для дальнейших судеб Отечества — завершился мир жизни, где всеопределяющим и всеорганизующим началом было святоотеческое православие, которое как в некую ссылку уходило вместе с Патриархом Никоном. На смену шел монархический абсолютизм.

Образом своей жизни Патриарх Никон продолжал ту многовековую традицию стяжания Святой Руси, активно участвуя в утверждении государственной мощи и величия Церкви на основах святоотеческого предания, напоминая о формуле в предисловии к Служебнику, изданному в 1656 г., «священство Божественным служит, царство же человеческим владеет и о сем печется. Вкупе же уставы и правила Святых отец, яко от Святаго Духа

¹ ГИМ. ОР. Ф. Син. греч. 469: История о соборе 1666–67 гг. и суд над Патриархом Никоном Паисия Лигарида. (Ркп. XVIII в., в 4^е, на 503 л.). РГБ. ОР. Ф. 173/IV (МДА). № 69: Сборник против Никона.

² Гиббенет Н. Историческое исследование дела Патриарха Никона: в 2 ч. СПб., 1882–1884, Дело об оставлении Патриархом Никоном патриаршего престола, о пребывании его в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима; письма его оттуда к царю Алексею Михайловичу; о созвании в Москве собора против Никона; о приглашении на оный Восточных Патриархов и суд над Патриархом Никоном (опись архива). Патриарх Никон. Труды. Научн. исследование, подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. М., 2004, стр. 1047–1078

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1860. Т. I–XI. Историографический обзор: Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: в 3 т. Варшава, 1931–1939. М., 1995 (репринт). Т. III. Гл. VI. Отзывы о Никоне. Иконников В. С. Новые материалы и труды о Патриархе Никоне. «Университетские известия». Киев, 1888, № 4

⁴ РГАДА. Ф. 27. Д. 140. Дело об оставлении Патриархом Никоном Патриаршего престола...

⁵ Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1871–1876. Vol. 1–6

вдохновенны, облобызающе приемлют и держат»: при нем были открыты мощи (прославлен в лике святых) Великого князя Даниила Московского.

Патриарх регентствовал над государством и обеспечивал обоими русское войско; умелыми политическими шагами он обеспечил объединение славянских народов — Великой, Малой и Белой России, приняв под святительский омофор малороссов, белорусов, валахцев...

Святейший Никон, как это следует из его образа действия и письменного наследия, свою задачу, как Первосвятителя, понимал и видел в том, чтобы удержать развитие российской государственности и народности в святоотеческих традициях, в то время как в русском обществе уже намечалось отступление от веры и Церкви, формализовавшееся в первом светском законодательном акте — Соборном Уложении 1649 г.

Но секуляризационно-апостасийные тенденции взяли верх, в результате чего инициированное антигосударственными и антиправославными силами «Судное дело» Патриарха Никона вызвало к жизни цепную реакцию разно- и многоуровневых катастроф. Государственная бюрократия использовала противление архипастырю со стороны отдельных представителей клира, усилив царским и гражданским клятвопреступлением, была поругана иерократия — Святительская честь: лишенный Святительского сана Патриарх Никон почти 15 лет провел в ссылке.

Так, со Святейшим Никоном как в некую ссылку ушли и до ныне под спудом греха остаются погребенными стяжаемая Святая Русь и создаваемый в «традиции святых отец и законах благочестивых православных царей и Великих князей» Третий Рим, все более и более истончаемая суть державства, премененного имперскостью. Это был первый шаг. На следующем этапе, формализовав Церковь и превратив Ее в один из социальных институтов со своим бюрократическим аппаратом, было упразднено Патриаршество, обезкровив духовные силы народной самости. Далее угроза нависла уже над собственно гражданской властью — царством¹: самочинно сак-

рализованная и обездуховленная гражданская власть в 1917 г. была сокрушена буйством *physisra* — природно-плотского человеческого естества, участь которого ехидны, прогрызающей чрево свое ради чад своих, а не пеликана или виноградной лозы — оформилась апостасия — преступление клятвы, изреченной народом в Утвержденной грамоте Великого Московского земско-поместного собора 21 февраля 1613 г. И мы — народ — «сделались такими, над которыми Ты как бы никогда не владычествовал и над которыми не именовалось имя Твое... опять обратились к беззакониям праотцев своих, которые отреклись слушать слов Моих и пошли вслед чужих богов, служа им...» (Ис. 63: 19; Иер. 11: 10). В свое время Первосвятитель пророчески указывал «собинному другу» — Алексею Михайловичу о грядущей катастрофе: «и явились в тонком видении Никону Святители Московские в Успенском соборе Кремля и просили известить Царю не расширяться над Церковью Божией... А не послушает — будет пожар в пределах Царства»... Не внял царь этим словам — спустя чуть более месяца «было огненное запаление на царском дворе». Так, в новой и новейшей русской истории утвердился перманентный процесс «охоты на оборотней, предателей и заговорщиков» с его кострами, социально-гражданскими реформами, бунтами, революционными движениями — и сокрушился колосс, стоящий на «глиняных ногах»²...

В этих обстоятельствах как не вспомнить, не помянуть и не восхититься стойкостью и ревностью по вере великого русского Первосвятителя.

Размышляя о вселенском, Святейший предпринимал усилия и использовал возможные средства, чтобы в масштабе «пременения царств» восстановить, сохранить и обеспечить единство Вселенского православия в лоне Московско-Ромейского царства. Так что по сути русские призывались к восстановлению кафоличности, которую они в ходе своей исторической самоизоляции и национально-духовного партикуляризма практически утратили, но не утратили главного как тогда, так и сейчас — ощущения того, что истинное,

¹ Зызыкин М. В. Царская власть в России. М., 2004

² Социальные конфликты в России XVII—XVIII веков. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. (г. Саранск, 20–22 мая 2004 г.). Саранск, 2005

от века предуготованное Русское православное царство, «Русская Церковь — часть Церкви Вселенской, и отношения Русской Церкви ко Вселенской — основной смысл истории Русской Церкви, если не вообще русской истории»¹.

В данном историко-цивилизационном контексте разве было что-то иное, нежели как единственно возможное — сохранение католической Церкви? Разве возможно было действовать иначе, если не быть безответственным и не творить «образ жив Христов»? Поэтому вся церковная и гражданско-политическая (государственная) деятельность Святейшего Патриарха сводилась к тому, чтобы в «симфоническом» соделании властей духовной и светской — церковной и государственной — осуществлять дольний мир по образу Горнего, завершить осуществление Третьего Рима новым Израилем, символом и образом которого становился Святого Живоносного Воскресения Христова монастырь Нового Иерусалима со всем его богатейшим духовно-нравственным, культурно-просветительским, художественно-интеллектуальным, технико-технологическим и миссионерским наследием.

Выдающийся исследователь архитектурного наследия Патриарха Никона прот. Лев Лебедев в своем историософском труде «Москва Патриаршая» говорит: «Архитектурное творчество Святейшего Патриарха Никона было обусловлено определенными католическими замыслами о Русской Церкви, служило средством их реализации. Осмысливая идею «трех Римов», Патриарх Никон актуализировал в противовес государственно-политическому тезису тезис о «новом Иерусалиме», подразумевая высоту христианского благочестия Святой Руси — нового Израиля и ее столицы как фактического центра Вселенской эйкумены»².

Известный постулат, что метафизические конструкты эпохи Средневековья характеризуются плотностью детерминантных связей с символами-образами и

переживаются на психосоматическом уровне как реальность³.

Немаловажно также помнить, что на рубеже XVI–XVII вв. наша культура претерпевала серьезные сущностные трансформации — менялась картина мира средневекового человека⁴. Эти трансформации нашли свое отражение и в строе языка — появляются книжно-научные своды грамматики, риторики, диалектики, логики, богословия и философии (эти последние не то что не изучены, но и практически неизвестны современной науке), формируются словники и лексиконы, в просодии вычленяется абстрагируется интонирование, приводя к появлению музыки и поэтики в современном их понимании, и т. д. Патриарх Никон предпринял успешную попытку по созданию синопсиса русского богослужебного пения, кодификация которого спустя век привела к появлению Богослужебных сборников современного типа; «руку приложил» и к укреплению исторической памяти народа, стимулировав работы по переводу на славяно-русский язык Библии, агиографических, летописных источников, хроник и т. д.

Все это тем не менее свидетельствует о неизбежном динамическом процессе секуляризации общественного сознания, при котором символ-образ заменялся предметным зрением, так что подвергалась трансформации и картина мира, с ее моделями бытия, антропосоциума и метафизическими концептами⁵. Ярким примером подобного регресса, но более раннего периода-стадии может

³ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. Бахтин М. М. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1981.

⁴ Архангельский А. С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (кон. XV–XVII вв.). Казань, 1913. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. Буслаев Ф. И. История русской литературы. Лекции, читанные Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860). Вып. 1–3. М., 1906. Патриарх Никон. Стяжание Святой Руси — созидание государства российского. Монография в виде сборника научных трудов. Сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. В 2 ч. М.

⁵ Ячин С. Е. Слово и феномен. М., 2006. Романенко Ю. М. Бытие и естество: онтология и метафизика как типы философского знания. СПб., 2003. Карпенко Л. Б. Священная азбука Кирилла. Самара, 2004.

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. Глава: Архетипическое значение реформы Никона, стр. 290–295.

² Лебедев Л., протоиерей. Патриарх Никон: очерк жизни и деятельности. Богословские труды. № 23–24. 1982. Полная версия: Москва патриаршая. М., 1995.

служить замена глаголицы кириллицей — глаголической азбуки кириллической. Языковая христоцентричная графика глаголицы — символ-образ был замещен более простым знаком, в гранях которого нужно было знать-понимать его содержательную часть (примером тому являются практически неизвестные современной науке Алфавиты духовные, среди которых и алфавит первого царя романовской династии Михаила Федоровича). Ведь и Домострой не за зря появляется... Тем не менее культура сохранила глаголическое наследие в элементах музыкальной грамоты — крюков (знамя). Синкретизм, обеспеченный единством начертанных крюка и слова, в знаменном распеве задавал-порождал-открывал смысл, семиотическую парадигму социобития, то есть являлся символом.

Естественно, динамический регресс от символа к знаку вызывает серьезную обеспокоенность любого типа культуры. Культура как бы борется за себя, но и побарывает самое себя своим же «модернизированным» сознанием. И лишь человек в его тео-антропо-центричности способен хоть как-то микшировать этот энтропийный процесс. Такая обеспокоенность была исторически явлена и на Стоглавом соборе, и при Патриархе Иосифе, и при Патриархе Никоне на Соборе 1654 г., одоббившем книжную и церковно-обрядовую sprawy, и при митрополите Московском Филарете, радевшем о «догматическом достоинстве» Елисаветинской Библии и требовавшем ее «охранительного употребления», и при Патриархе Тихоне, да и сегодня, когда доминантой массовой культуры становятся симулякры и ценности либертального релятивизма социал-детерминизма.

Историческая сверхзадача человека (лучше сказать: его онтологическая ответственность — ответственность перед бытием) в отношении высокой культуры и языка при всех морфологических и орфографических изменениях последнего должна быть, как неизбежное, устремлена на сохранение и оберегание лексико-семантический фонда и символической чистоты языка картины мира (именно здесь, в этой смысло-содержательной части нельзя допустить утраты, подмены, размытия того самого «аз»! Именно в этом заключается то роковое для всякой культуры «ни единого «аз»,

в отличие от «старообрядческого» ни единого «аз», которое было лишь «аз»-ом формы). И вновь ярчайшим примером служит деятельность Святейшего Патриарха Никона, повелением которого была переведена знаменитая «Скрижаль» (М., 1656)¹, которая осветила и наполнила глубочайшим и духовным смыслом то, что считалось на Руси священной традицией, переданной с верой от Греческой Церкви, — дала опыту русского мирозерцания символическое, таинственное толкование храма и Божественной литургии, которое в свою очередь подпитывает развитие византийской теории образа Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Симеона Солунского, Исидора Пелусиота и др. отцов. Прочитируем здесь знаменитейшую книгу XVII в. «Жезл Правления»: «По отзыву же одного из просвещеннейших современников, за Скрижаль Патриарх Никон достоин вечного благодарения от Церкви». Вот так — ни больше, ни меньше...

Подводя краткий итог, заметим, что величие этих деяний и масштаб наступавших социальных преобразований выразились и в титуловании Патриарха Никона Великим государем и уравнивании его в социально-государственной иерархии с царем (многие от лукавых видят в этом папо-цезаристские устремления Святейшего и обвиняют его в гордости).

Всеобщая же неподготовленность русского общества на всех уровнях его социальных групп, выражавшаяся в приверженности догматичному охранению традиционного уклада и образа мысли, а также политическое слабование, личностная нерешительность, стремление к «тихости» и обеспокоенность сохранением династической преемственности со стороны царя, вызвали процесс, границами которого стал социальный аутизм значительных групп людей — с одной стороны и лишение Патриаршего достоинства и ссыла Святтейшего Никона — с другой.

Сейчас можно лишь удивляться, как столь просвещенные и ревностные патриаршие соплеменники и сослужебники,

¹ Муретов С. Д. Греческий подлинник Никоновской скрижали. М., 1892

многие от прежних «ревнителей благочестия», оказались не среди пастырей, полагающих душу свою за «овцы Моя», а уводящими паству от Пастыря из Церкви Его; как среди них не нашлось тех, кто мудро и по-пастырски кротко назидал бы паству, пребывая в послушническом сомыслии и соработничестве со своими архипастырями и всей католической Церковью (хотя, правда, чему? Ведь и в наше время немало подобных явлений, которые не так заметны в общей информационной хаотичности времетока при душевно-чувственной разнузданности и духовной слабости).

Из всего очевидно, что основные вопросы связаны не столько с Патриархом Никоном, его церковно-общественным и государственным служением, сколько с процессами общекультурными и цивилизационными, вопросами церковно-государственных отношений и государственно-гражданского взаимодействия.

Анализируя наследие Патриарха Никона, можно уверенно говорить, что русское общество искало и находило в себе силы, чтобы преодолевая смутные времена, стать мощнейшим государством на Евразийском континенте и активно влиять на политику и духовную жизнь народов, окончательно осознать себя историческим преемником Римского царства и хранителем наследия Вселенского православия, защитником и государственно-политическим гарантом Православной Экумены. Наши предки с их государством и Церковью выработали и укоренили в нашу историческую память-жизнь модель миропорядка, входящую к миссионерско-экклесиологи-

ческим и ортодоксально-аксиологическим основаниям, полагая себя неотъемлемой частью мира с особой функцией устремленной ответственности и обеспечения международной стабильности посредством сочленения полюсов этого мира в аспекте не только физиократическом, но всегда более актуальном — метафизическом.

В Святейшем же Патриархе Никоне «с совершенной полнотой отразилось самосознание Русской Церкви, самосознание духовной власти, твердо разумеющей свое высочайшее призвание и высочайшую ответственность; отвергающей возможность каких-либо уступок и послаблений в святой области ее пастырских попечений, тщательно хранящей Божественный авторитет священноначалия и готовой исповеднически защищать его перед лицом любых искушений и скорбей», а его монументальный образ приобрел черты социокультурного архетипа благодаря сочленению жизни личной — Патриарха и жизни социально-исторической — народа, Церкви, государства и оказывает влияние на всегда современную жизнь. Как имя, так и образ Патриарха Никона стали многогранным знаком-символом — даже не столько XVII в., сколько модели организации миропорядка, борьбы за содержание, принципы и формы институционального взаимодействия государства, общества и Церкви, ответственности конкретной личности за судьбы народа, страны и наследия цивилизации.

*Статья дана в авторской редакции
с незначительными сокращениями*